

Н.В. БЫКОВСКАЯ

**ИЗДЕЛИЯ ИЗ СТЕКЛА
ИЗ ЖЕНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ IV В. ДО Н.Э.
ИЗ СТАРШЕГО КУРГАНА КУРГАННОЙ ГРЯДЫ «ТРИ БРАТА»**

Одним из интереснейших археологических комплексов, хранящихся в фондах Керченского историко-культурного заповедника, являются находки из женского захоронения IV в. до н.э., открытого в Старшем кургане курганной гряды «Три брата», охранные раскопки которого производились в 1965 г. Д.С. Кирилин, под руководством которого работала экспедиция, ограничился предварительной публикацией обнаруженных в 1965 г. вещей [Кирилин, 1967]. Позже исследователи не раз обращались к интерпретации надгробного рельефа, найденного в насыпи кургана [Античная скульптура. Т.1, кат.12, с.54-55], а в 2001 г. на юбилейной конференции Керченского заповедника сотрудники Музея исторических драгоценностей, в который летом 1968 года были отправлены предметы из драгоценных металлов, представили реконструкцию костюма и ювелирных украшений из этого захоронения [Клочко, Березова, с.105-108]. Полная публикация гарнитура украшений принадлежит М.Ю. Трейстеру [Трейстер, 2006]. В 2008 г. в сборнике научных работ Керченского заповедника были опубликованы полевой дневник и отчеты Д.С. Кирилина о раскопках у д. Огоньки 1964-1965 гг. [Кирилин, 2008].

Первая попытка научной публикации комплекса, хранящегося в Керченском историко-культурном заповеднике, была предпринята в 2008 г. [Трейстер, 2008]. Благодаря этой работе в научный оборот введена большая часть хранящихся здесь вещей. Между тем, помещенная в указанном выше издании информация о некоторых из предметов не может считаться полной. Цель статьи – восполнить информационные лакуны, касающиеся изделий из стекла, найденных в захоронении.

Речь идет, прежде всего, о двух стеклянных медальонах, включенных в каталог как «вставки стеклянные» [Трейстер, 2008, кат. 42 с. 30] (рис.1). Оба медальона – круглой формы, плоские с одной

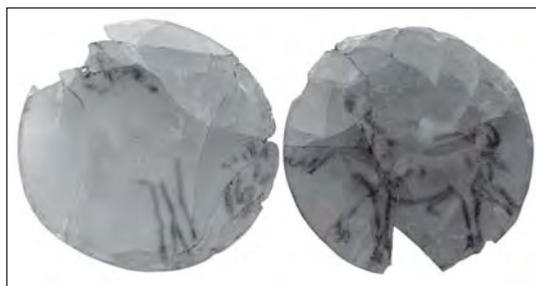

Рис. 1. Стеклянные медальоны. Фонды КИКЗ, Б-2316.

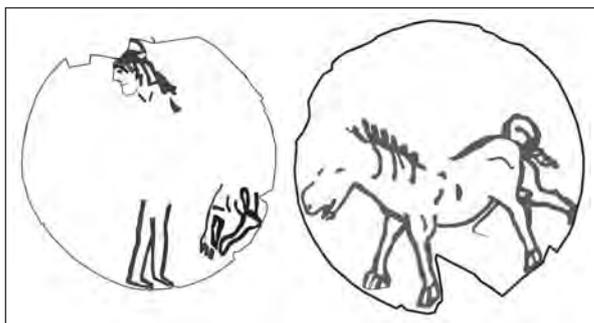

Рис. 2. Прорисовки изображений на стеклянных медальонах. Выполнены Р.Г. Синенко.

стороны и выпуклые с другой, имеют в диаметре – 3,1 см. Они выполнены из прозрачного, слегка желтоватого стекла, с очень мелкими пузырьками, видными при увеличении. Оба медальона сильно повреждены: каждый склеен из нескольких частей и имеет глубокие сквозные трещины и утраты. Уникальность медальонов заключается в том, что на плоскую сторону

обеих нанесен слабо видный и местами утраченный, но вместе с тем достаточно отчетливый линейный рисунок. Рисунок нанесен темным пигментом по тончайшему слою светлого грунта, который фрагментарно сохранился в многочисленных неглубоких кавернах. На одном медальоне отчетливо читается изображение коня, на другом – человеческой фигуры (рис.2). Конь, иноходец (?), изображен в движении, влево. Голова коня с открытой пастью, небольшими ушами и короткой гривой и мощная шея по отношению к тулову непропорционально велики, что, возможно, объясняется неопытностью рисовальщика, который изначально не справился с задачей распределения пространства медальона. Вместе с тем, рисунок коня достаточно динамичен и реалистичен. Автор рисунка попытался передать движение животного положением ног, развевающимся изогнутым хвостом. Рисовальщик, конечно же, был знаком с изображениями коней, встречающимися на краснофигурных сосудах, и, возможно, попытался скопировать одно из них. Обращает на себя внимание то, что на медальоне и на известном культовом рельефе, найденном в насыпи этого же кургана, судя по всему, изображены кони одной породы.

На плоской стороне другого медальона – изображение человеческой фигуры в полный рост. На голове с длинными волосами, развернутой в профиль влево, головной убор с круглым верхом и длинными концами (к сожалению, часть медальона с изображением головного убора утрачена); отчетливо виден крупный нос, дугообразная бровь, глаз, гладкий подбородок и прямая линия рта. Тулово персонажа отсутствует, видны только длинные ноги, ступни которых развернуты вправо. Внизу в правой части медальона – еще одно неясное изображение, возможно, куст, который, вероятно, должен был продемонстрировать, что фигура стоит на земле. Известно, что на геммах этого и более позднего времени поверхность почвы часто обозначали с помощью прямой линии. В нашем случае ввиду того, что ступни стоящего человека опираются практически на кромку медальона, рисовальщик мог ввести в композицию изображение пейзажа.

Аналогичные медальоны известны по публикациям Н.З. Куниной [Кунина, 1997, кат.65, 66, 67; с.76,77, 260; Кунина, 2000]. Ею впервые были описа-

ны два круглых и один овальный медальон, хранящиеся в коллекции стеклянных изделий Эрмитажа. Все три происходят из раскопок пантикапейского некрополя. Круглые медальоны были найдены на г. Митридат в одной детской земляной могиле в 1878 г., а овальный – в 1873 г. также в земляной могиле. На одном из круглых эрмитажных медальонов – изображение прядущей женщины, на другом – женский бюст, причем каждый рисунок носит самостоятельный характер; на овальном медальоне – голова юноши. С медальонами из коллекции Керченского заповедника их сближает не только целый ряд технологических особенностей, но и размеры – круглые имеют в диаметре 3,3 см, единая датировка - IV в. до н.э., а также то, что все они были использованы в погребальном обряде.

Если в случае с эрмитажными медальонами не возникает сомнений в том, что на каждом медальоне - самостоятельное изображение, то в случае с медальонами из Керченского заповедника столь однозначный вывод вряд ли возможен. Конечно, каждый из рисунков мог играть и самостоятельную роль, но обращает на себя внимание следующее обстоятельство. На сохранившейся в целости центральной части медальона с изображением человеческой фигуры туловище не прорисовано, судя по всему, сознательно. Фотографическая съемка обоих медальонов в ультрафиолетом и инфракрасном спектрах не позволила выявить дополнительное изображение в этой части, что, возможно, объясняется его изначальным отсутствием.

Вполне вероятно, что на каждый из двух медальонов была нанесена половина изображения, а композиция – единая – складывалась при их совмещении. Несмотря на то, что пигмент рисунка в его нынешнем состоянии в значительной степени угас, при совмещении медальонов, общее изображение сквозь толщу стекла вполне различимо.

Д.С. Кирилин, учитывая, вероятно, положение медальонов в момент открытия склепа, полагал, что полное изображение дает совмещение двух частей. С его точки зрения, на двух половинках медальона следует видеть амазонку на коне. Это предположение было выдвинуто им в научно-популярных публикациях, отклик на которые сохранился в архиве заповедника [Архив КИКЗ, оп.5, ед. хр. 73, л.20].

Изображение амазонки на коне часто встречается в сюжетных композициях, прежде всего в сценах сражений, на сосудах так называемого «керченского стиля». Мужеподобность амазонок, а также то, что очень часто их изображали в мужском костюме, вполне объясняют подобное предположение. Хочется отметить, что в некоторых случаях иконография персонажей столь суммарна, что бывает затруднительно определить, кто является участником битвы – всадник или всадница. Не поддается однозначному толкованию, например, пол персонажа, сражающегося с пешим воином в сцене, украшающей пелику, найденную в этом же комплексе [Трейстер, 2008, кат. 28 с. 25].

Несмотря на то, что у фигуры, изображенной на медальоне из Старшего кургана, отсутствует туловище, представляется более предпочтительным трактовка этого изображения как мужского. При всей очевидной связи персонажа с конем его вряд ли можно трактовать как всадника. Человек не просто стоит на земле, он движется в направлении, противоположном движению коня. В любом случае оба изображения сюжетно связаны между собой.

О том, что означает сюжет рисунка, можно только догадываться. Исследователи единодушны в том, что погребенная в склепе женщина была представительницей местной эллинизированной знати, а если это так, то варианты толкований следует искать в мифо-эпических сказаниях аборигенных варварских этнических групп, населявших Боспорское царство и прилегающие к нему территории. Этому посылу не противоречат и возможные трактовки изображений на эрмитажных медальонах. В прядущей женщине явно прослеживается сходство с Афродитой [Кунина, 2000, с.187], а женский бюст иконографически очень близок изображениям Деметры.

Изображение коня встречается на целом ряде предметов декоративно-прикладного искусства, найденных в скифских курганах. Известно, что у ираноязычных народов конь был атрибутом и воплощением ряда хтонических божеств. В греческой мифологии он традиционно связывался с Дионисом - Сабазием. Одним из таких божеств считался и спутник Анахиты Сиявуш, культ которого во многом перекликался с культом Диониса. Религиям многих ираноязычных народов был свойственен дуализм, что проявлялось в наличии в пантеоне связанных между собой пар богов, где женское начало было представлено хтонической богиней, ответственной за плодородие, а мужское - умирающим и воскресающим богом: Кибела – Аттис, Изиды – Осирис, Анахита – Сиявуш. Аналогичные функции в греческой мифологии были возложены на Деметру и Диониса.

Учитывая контекст находки, можно предположить, что на медальоне (медальонах) из женского захоронения Старшего кургана изображен персонаж, связанный с культом женского хтонического божества, возможно, спутник богини.

Большая часть исследователей считает, что погребенная не просто занимала высокую ступень в современном ей обществе, а была жрицей. В вопросе о том, какому божеству она служила, единства нет. Е.А. Зинько, например, придерживается мнения о том, что погребенная была жрицей Деметры [Зинько, 1999, с.190-191]; С.С. Бессонова и Д.С. Кирилин не столь категоричны и допускают возможность ее причастности к культу местного женского божества, близкого к Деметре [Бессонова, Кирилин, 1977, с.135-136; Кирилин, 2008, 285]. «Необычность» принадлежности представительницы местной «скифской аристократии» к культу Деметры отмечала и Э.В. Яковенко, допуская, впрочем, такую возможность ввиду близости культа Деметры некоторым божествам скифского пантеона [Архив КИКЗ, оп. ед.хр.93 с.339.].

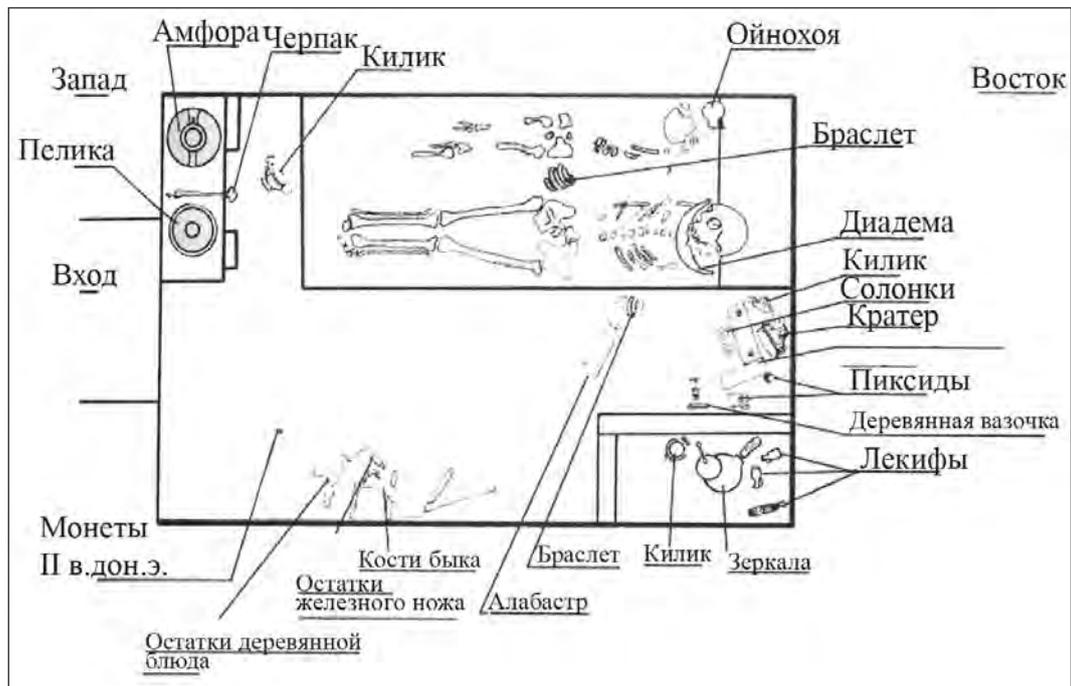

Рис. 3. Схема расположения предметов в склепе.

Вопрос о взаимодействии местных варварских и привнесенных эллинических культов чрезвычайно сложен и выходит за рамки данной статьи. Вероятнее, в непосредственной близости от греческих полисов на основе более древних местных религий могли формироваться синкретические культы, в которых сочетались черты тождественных божеств. Жрицей такого культа хтонического женского божества, ответственного за плодородие почвы, и могла быть погребенная женщина.

Более точное суждение, на мой взгляд, возможно после выявления и детального исследования культовых сооружений этого региона. В современных представлениях о них «остается много неясного, подчас даже основное предназначение каждого такого объекта находится в области туманных гипотез» [Зинько, 2008, с.11]. Но в случае, если женщина из Старшего кургана и не была жрицей, она, тем не менее, вследствие своего высокого социального статуса была посвящена и исполняла определенные обряды сакрального характера.

Интересен вопрос о назначении стеклянных медальонов. Еще Н.З. Кунина выразила сомнение в возможности того, что они могли использоваться в качестве вставок, поскольку стеклянные вставки, украшавшие мебель, саркофаги и пр., «обращены выпуклой стороной к зрителю, и, кроме того, они значительно более выпуклые» [Кунина, 2000, с.189-190]. Невозможность

Рис. 4. Погребальная камера склепа. Остатки шкатулки и другие предметы.

наз. солонки (одна с графитти К), краснофигурный кратериск, килик, четыре костяных кружка, которые «могли служить украшением шкатулки», а также костяной миниатюрный гребень (рис.4).

Д.С. Кирилин, по первым впечатлениям, в полевом дневнике предположил, что найденные между лежанкой и каменной загородкой обработанные доски могли быть как шкатулкой, так и небольшим столиком [Кирилин, 2008, с.296]. Впоследствии, вероятно, благодаря Н.И. Сокольскому, который в процессе сбора материалов для монографии познакомился с коллекцией Керченского музея, сохранившиеся фрагменты были определены как остатки «ларца типа прямоугольного греческого сундучка» [Сокольский, 1971, с.127, 283]. Хранящаяся в фондах Керченского заповедника доска от этого ларца покрыта сверху темным коричневым лаком (?), она декорирована в технике интарсии тонкой полоской дерева с более светлой древесиной (рис.5). Тыльная сторона доски не обработана. У края доски сохранилась круглая выемка, диаметр которой составляет – 2,7 см, что меньше размера медальонов, а, значит, и использование их в качестве вставок невозможно.

В ареале этих же вещей, в районе шкатулки, было найдено еще одно изделие из стекла, возможно, вставка - овальной формы, с одной выпуклой и другой слегка вогнутой сторонами [Трейстер, 2008, кат.43,

Рис. 5. Фрагмент доски шкатулки. Фонды КИКЗ,КД-208.

гипотетических предположений относительно назначения эрмитажных медальонов объясняется отсутствием точных данных о контексте находок.

О медальоне из женского захоронения Старшего кургана известно, что он был найден рядом с лежанкой у восточной стены (рис.3), где вместе с остатками деревянной шкатулки были обнаружены две пиксиды, три чернолаковые т.

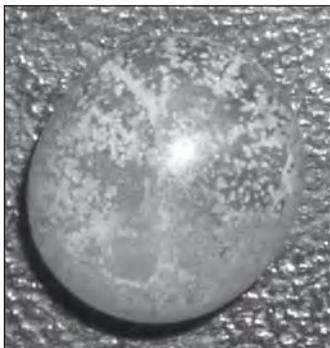

Рис. 6. Стеклянная вставка. Фонды КИКЗ, Б-2317.

Рис. 7. Погребальная камера склепа. Фрагменты деревянных изделий у края загородки.

с.30]. Стекло вставки – прозрачное, слегка желтоватое. Примечательно, что на выпуклой стороне вставки процарапано плохо видимое из-за иризации граффити в виде ветви или дерева (рис.6). Во втором случае его можно интерпретировать как изображение древа жизни, с которым соотносились идеи изобилия как высшей степени плодородия, а также идея рождения жизни как некоего начала.

Прежде чем высказать возможные предположения о назначении медальонов и вставки, хотелось бы отметить еще один момент, связанный с местом находки медальонов и вставки. Множество гипотез вызывает то обстоятельство, что вещи в восточной части камеры склепа были сосредоточены в двух местах. Часть их была найдена между лежанкой и небольшой загородкой из камней, а часть внутри последней. Хотелось бы обратить внимание на одну деталь, описанную Д.С. Кирилиным в полевом дневнике и нигде более не повторяющуюся. В момент открытия склепа в восточной части обращало на себя внимание «обилие обломков дерева – от мелких кусочков до больших кусков со следами обработки» [Кирилин, 2008, с.296]. На одной из сохранившихся фотографий, запечатлевших ситуацию *in situ*, хорошо видны несколько крупных кусков у самого края камней загородки (рис.7). На другом снимке у северной стены склепа прослеживается даже ровная граница древесного тлена у самой стены. Все это позволяет предположить, что, возможно, первоначально все вещи, или большая их часть в восточной части склепа стояли либо на столешнице, либо просто на обработанных досках, опиравшихся на камни загородки. Во всяком случае совершенно ясно, что кроме шкатулки, пиксид и курильницы здесь находились и другие предметы из дерева.

Расположение стеклянных медальонов среди вещей, хранившихся в шкатулке, где, по крайней мере, два предмета неоспоримо могли использоваться в культовых целях – миниатюрный костяной гребень, украшенный циркульным орнаментом и красной краской, и деревянная курильница,

Быковская Н.В. Изделия из стекла ...

позволили Д.С. Кирилину интерпретировать медальоны с изображением коня и человеческой фигуры как «талисман» [Кирилин, 2008, с. 281].

Использование медальонов в качестве амулетов-оберегов, или талисманов, обеспечивавших покровительство изображенных на них богов или героев, представляется вполне вероятным. Символика графитти на овальной вставке также укладывается в религиозные верования античного времени. Возможно, что вместе с остальными предметами, найденными вместе со шкатулкой, все три вещи использовались также и в культовых обрядах.

Учитывая, что оба круглых медальона, по сути, являются линзами, представляется возможным, что они могли служить в качестве элементов каких-то неизвестных нам оптических систем. И если о назначении медальонов можно судить только предположительно, то бесспорно одно – в женском захоронении Старшего кургана были найдены уникальные произведения искусства IV в. до н.э., которые будут способствовать более глубокому пониманию погребальных культов туземного населения Боспора и прилегавших к нему территорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Бессонова С.С., Кирилин Д.С.* Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана // Скифы и сарматы Сб. ст. Киев, 1977. с.128-139.
- Зинько В.Н.* Сельские святилища Нимфейского полиса //Боспорские исследования. - Вып.ХІХ.- Симферополь-Керчь, 2008.
- Зинько Е.А.* Сакральная скульптура сельской округи Нимфея.//Боспорский феномен.- СПб., 1999.с.188-194.
- Кирилин Д.С.* Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера.//Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Сб. статей к столетию со дня рождения акад.-С.А. Жебелева, 1867-1967 гг / АН СССР. ИА. Л.:Наука, 1968 г. С.178-188.
- Кирилин Д.С.* Археологические раскопки Керченского историко-археологического музея у д. Огоньки в 1964-1965 гг.// Научный сборник Керченского заповедника. Вып.2. Керчь. 2008. с.247-311.
- Клочко Л.С., Березова С.А.* Костюм боспорских жінок//175 лет Керченскому музею древностей. Сборник тезисов. Керчь, 2001. с.105-108.
- Кузьмина Е.Е.* Конь в религии и искусстве саков и скифов. // Скифы и сарматы. Сб. ст. Киев, 1977. с.96-119.
- Кунина Н.З.* Стекланные медальоны с рисунками из некрополя Пантикапея. // Античное Причерноморье. Сб. ст. С.-Пб., 2000. с.186-191.
- Кунина Н.З.* Античное стекло в собрании Эрмитажа. Гос. Эрмитаж. Издательство «АРС», 1997.
- Сокольский Н.И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. // МИА, № 178, М. 1971.
- Трейстер М.Ю.* Гарнитур украшений из погребения №1 Старшего Трехбратнего кургана.// Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. VII-I вв. до н.э.СПб. 2006. с.164-190.
- Трехбратние курганы. Под ред. В.И. Мордвинцевой и М.Ю. Трейстера// Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Т.3. Симферополь-Бонн. 2008.
- Античная скульптура. Т.1. Киев, 2004.
- Яковенко Э.В.* Скифы на Боспоре (Греко-скифские отношения в VII -III вв. до н.э. Диссертация на соискание степени доктора исторических наук. 1985.Архив КИКЗ, оп.5, ед.хр.93.

N.V. Bikovskaya

GLASS WARE FROM FEMALE BURIAL DATED BACK TO THE 4TH CENTURY BC FROM
STARSHY KURGAN OF «THREE BROTHERS» RIDGE

Summary

In 1965, in the outskirts of Kerch an intact female burial dated back to the 4th century BC was found in Starshy kurgan of «Three brothers» ridge. A representative of local nobility was buried in the crypt. She was presumably a priestess of a goddess connected with the fertility of soil. A magnificent set of jewelry, which was found on the buried lady, is stored in the museum of historic valuable (Kyiv). The rest part of the funeral complex is kept in the Kerch Historical and Cultural Reserve. Unique samples of ancient arts – glass medallions with drawings, which might have been used either as amulets or in cult rituals, occupy a significant place among these items from the crypt.